

Советские мажоры

Москва 70-х годов — золотой поры советского застоя — жила удивительно богатой и насыщенной жизнью. По крайней мере так казалось населявшим ее детям известных родителей. Моя фамилия вызывала безошибочное узнавание, и путь в эту увлекательную жизнь оказался мне открыт.

Мы все были чьими-то дочерьми и сыновьями и — за неимением других достоинств — старательно пользовались своими фамилиями. Больше-то у нас ничего не было.

Деньги не играли особой роли в советской жизни, поскольку их было не на что тратить. Статус определялся привилегиями, причастностью к когорте избранных и вхожих. Советская власть старательно создавала и поддерживала эту кастовость, и мы, дети РОДИТЕЛЕЙ, воспринимали подобную социальную стратификацию как данность и непреложность. Мне стыдно об этом вспоминать и в этом признаваться, но врать еще более стыдно.

Мир “центровых” был миром больших квартир в ведомственных домах внутри Садового кольца, где не полагалось случайных соседей. Все соседи носили известные фами-

лии и были кем-то. Забредшие в этот мир случайные люди с окраин должны были заслужить свою к нему принадлежность. Красивым девочкам из отдаленных мест столицы это давалось легче, от мальчиков же требовалось быть кем-то, кому — несмотря на отсутствие правильных родителей — дозволялось в этом мире остаться.

Такое случалось нечасто: наш мир функционировал по законам дарвиновского естественного отбора, где выживание сильнейших было заменено на выживание причастных. Это я заявляю как неслучившийся биолог.

Мой опыт, однако, отличался от опыта моих друзей: я вырос в Дегунине, а не в центре. Я вырос в окружении чужих, не сливаясь с ними, но и не особо выделяясь, научившись говорить их языком, но не став ими. Мой мир до девятого класса случался летом, во время каникул, когда меня отправляли в родной пионерский лагерь Литфонда СССР, куда каждый год съезжались все, кого я знал еще с детского сада того же Литфонда. Все, кто рос в заботливо сплетенном их родителями коконе чужой стране жизни, состоящей из книг, спектаклей, сценариев фильмов, — жизни из чужих слов. Мои друзья по прослойке ходили в столичные языковые спецшколы, где сидели за партами с детьми из других советских каст; у них не отнимали на перемене деньги, и их не били после уроков у грязных гаражей. Их вообще пока не били. Эти уроки им еще предстояло выучить.

С одной стороны, я был такой же, как они: обладатель правильной фамилии, чьи родители работали в правильном месте и говорили правильным языком на правильные темы. С другой стороны, я чувствовал себя взрослее, опытнее и злее. Я был чужим среди своих, никогда, впрочем, не став своим среди чужих. Я мог сойти за своего, но им не был.

Эта отдельность от окружения, нетождественность ему стали парадигмой всей моей жизни: мое черкесское младенчество отдалило меня от детсадовского литературного окру-

жения, мое дегунинское школьное детство воспитало меня по иным законам, чем законы московских элитных школ, и дальше я жил и продолжаю жить отдельно от окружающего меня мира. Уже больше тридцати лет я живу в чужих странах, живу жизнью этих стран, оставаясь чужим — вечным приезжим. Я говорю на чужом языке, ставшим мне вторым родным, и мои дети, родившиеся и выросшие в этих странах, выросли под чужие колыбельные и считались под чужие считалки: *Mini, mini, mani mo, catch the tiger by the toe...* Мини, минни, мани мо, кэтч дзе тайгер бай дзе то...

О чем это?

О чужом.

Моей страны больше нет. Как со свойственной ему элегантностью слов, написанных за него спичрайтерами, сказал президент Рейган: *"The Soviet Union is no more"*. Нет его больше, и все тут. На месте моей страны, занимая большую ее часть, лежит другая страна — Россия. Иногда — изредка — я приезжаю туда и, как обычно, чувствую себя чужим. Я говорю на том же языке, но говорю о другом. Я не пережил с этой новой страной весь ее путь перемен, развалов, вставаний с колен и оттого не могу быть таким, как друзья моего детства и моей юности, прожившие и продолжающие проживать со своей страной все перемены, измены, горести и радости. У них есть Родина — такая, сякая, но в ней они дома, как были дома в своих "центровых" языковых школах и в своих "центровых" ведомственных домах. Они были и остаются тождественны своей жизни. Я же не был дома ни тогда, ни потом — чужой среди почти своих. Не свой среди совсем чужих.

Я привык. Даже нравится.

Тогда, в разгульных 70-х, я прибил к новой-старой группе золотой молодежи моей юности. В новой школе, находившейся во дворе дома, в котором жил дорогой Леонид Ильич Брежнев и прочая партийная элита, я нашел и старых, и новых друзей. Старше меня на год учился Паша Брюн,

которого я знал по пионерскому лагерю Литфонда, — впоследствии художественный директор знаменитого *Cirque du Soleil*, с которым дружил и продолжаю дружить до сих пор. 1 сентября, опаздывая на первый урок и заблудившись в новой для меня школе, я встретил в коридоре такого же новенького и также заблудившегося, но совершенно не тревожившегося по этому пустячному поводу Сашу Лебедева, ставшего моим вечным другом. С ним и Пашей, и с другими, навсегда оставшимися моими друзьями, прошла моя золотомолодежная юность — привезенные чьими-то родителями из-за границы диски рок-групп, “Джизус Крайст Супер Стар”, джинсы “Левайс”, дешевый алкоголь и торопливый секс со случайными и менее случайными девочками в просторных квартирах внутри Садового кольца — пока не вернулись с работы взрослые.

Мы много пили, много курили и много говорили — радостные, упоенные своей юностью и незаработанной нами привилегированностью, будущие хозяева советского будущего, не подозревая, что будущее это окончится раньше, чем через двадцать лет.

No more...

Где друзья моей золотомолодежной юности 70-х, носители громких фамилий? Коля Данелия, Фил Смоктуновский, Настя Ефремова? Коли уже давно нет в живых, Фил — по последним сведениям — пребывает последние сорок пять лет в тяжелом наркотическом дурмане, и только у Насти — нормальная жизнь в различных театрах и театральных организациях.

Отчего мы пытались сжечь свою юность в алкоголе и наркотиках?

Мы были уверены, что будем жить вечно и будем жить хорошо. Мы готовились сменить своих мам и пап на их ответственных и интересных постах и жить как жили они — заботливо отгородившись от чужой жизни. Я старался, пытался

проникнуться этой уверенностью, но опыт другой жизни мешал, напоминая, что нужно быть готовым драться, когда у тебя потребуют деньги, выданные на обед. Когда тебя будут бить за то, что ты живешь не в том доме, или просто будут бить. Так, ни за что.

Я уже знал, что бежать нельзя.